

Часть первая

ГЛАВА 1

Рабочий день профессора Гарварта начинался с чашечки кофе. Пил он его несладким, и вовсе не потому, что сахар вреден — просто так ему больше нравилось. Он пил, заряжаясь энергией на ближайшие два-три часа. Кондитерскую выпечку в таких случаях он не признавал — считал, что кофе с булочкой — это такое же святотатство, как песнопение в церкви под фонограмму.

На протяжении трех лет каждый день ровно в восемь часов двадцать пять минут он заходил в маленькую уютную кофейню в одной из старых улочек Москвы, без четверти девять заканчивал кофейную церемонию, три минуты ему хватало, чтобы попасть во двор старинного дома, где на правах аренды он владел двумя небольшими комнатками в подвальном помещении. Отдельный вход с торца дома — под коричневой черепичной крышей, решетчатая калитка, небольшой спуск по железобетонной лестнице, бронированная дверь, открывающаяся двумя ключами. На то, чтобы справиться с замками, обычно уходило две минуты. Еще четыре минуты занимала подготовка к работе — вынуть из портфеля и положить в холодильник два бутерброда, завернутые в фольгу, смочить ветошь под краном и протереть вывеску над входом «Частное детективное бюро «Гамма».

«Гамма» в понимании профессора Гарварта ассоциировалась не столько с третьей буквой греческого алфавита, сколько со множественным числом — гамма чувств, гамма красок... И люди, решившие обратиться к нему за помощью, должны были понять, что могут рассчитывать на услуги специалиста-универсала.

Три с половиной минуты профессор Гарварт уделял цветам в маленькой приемной — взрыхлял по мере надобности землю в горшочках, поливал.

Три с половиной секунды он уделил своей внешности. Глянул на себя в зеркало, складной расческой пригладил элегантную щеточку усов в стиле Эрrolла Флинна, шелчком пальцев сбил соринку с лацкана пиджака.

Ему было сорок два года. Роста чуть выше среднего, в меру широкие и сильные плечи. Высокий массивный лоб, брови узкие, но густые и плотно сбитые — они тянулись до самой переносицы, сливаясь и с ней, и с самим носом, образуя фигуральное подобие крестовины боевого древнегреческого шлема. Маленькие плотные ушки, чем-то похожие на прилепленные к голове пельмени. Губы узкие — суровые, но легко принимающие задумчиво-капризное выражение. Подбородок широкий и тупо срезанный, как штык большой саперной лопаты. Глаза — два потухших вулкана, жерла-зрачки черные, глубокие. Вулканы эти могли проснуться в любую минуту, пыхнуть жаром и плеснуть раскаленной лавой.

В одежде он предпочитал классический стиль. Темно-серый костюм в плохо различимую широкую полоску. Ладная фигура позволяла ему носить чуточку приталенный пиджак — с английским воротником, однобортный, на четырех пуговицах. Еще он носил фетровую шляпу, но не столько для форса, сколько для того, чтобы скрыть крупные залысины на голове, которые, впрочем, ничуть его не портили — придавали ему солидно-

сти, подчеркивали мужскую зрелость. Широкая трость с поперечным набалдашником из слоновой кости также имела сугубо практическое назначение — в случае дождя она легко превращалась в зонт.

Еще две минуты с небольшим профессор Гарварт устранился за своим рабочим столом. И ровно в девять ноль-ноль на чистом листе своего еженедельника он вывел запись: «28 июня 2005 года от Р.Х. Начало рабочего дня». И замер в ожидании посетителей.

Если клиент появлялся, то профессор Гарварт начинал работать с ним, если нет, то ровно в одиннадцать часов он включался в текущую работу — розыск, слежка, наблюдение... Редко, но случалось, что работы было с избытком, но чаще всего он бездействовал по причине отсутствия таковой. Сегодня был как раз такой случай.

За последний месяц к нему за помощью обратилось всего четырнадцать человек. И хотя Гарварт настаивал на собственной универсальности, одиннадцать из них получили вежливый, но категоричный отказ. Дело в том, что профессор не жаловал слежку за неверными супругами и даже на безрыбье не брался за нее. Также он отказывал в розыске домашних животных. Он предпочитал работу цельную, интересную: поиск пропавших людей, расследование пусть и мелких, но преступлений. Он был глубоко убежден в том, что лучше простой в работе и упущенная выгода, нежели суетная возня в скорлупе выеденного яйца...

Когда Гарварту нечем было заняться, он мог часами сидеть на своем месте в ожидании клиента — как паук на паутине в предвкушении сытной встречи с зазевавшейся мухой. У него не было помощников, он экономил на секретарше, поэтому никто не мог нарушить его покой. Телевизор в его кабинете был выключен, радиоприемник также не работал, часы на столе были элек-

тронными — без тикающих ходиков, сплит-система отключена. Поэтому тишина вокруг него была такой густой, что казалось, по ней можно плыть, проталкиваясь вперед движением рук...

На электронном табло высветилось двенадцать часов пятьдесят девять минут, когда тишину в кабинете нарушила соловьиная трель. Ипполит Гарварт нажал на клавишу дистанционного пульта, и на экране телевизора высветилась картинка с камеры наружного наблюдения. К нему пожаловал посетитель — пожилая женщина с высокой прической, мода на которую прошла еще лет двадцать назад. Высокий морщинистый лоб, массивные очки с цепочкой на шее, двойной подбородок с кручеными волосками на нем, расплывшаяся фигура, на которую, как чехол на машину, был натянут закрытый сарафан из темно-серой плотной материи на толстых бретелях. Шиньон на голове держался с помощью открытой заколки с блестящими камушками, на ушах массивные золотые сережки ей под стать, но с более крупными камнями. Возможно, это циркон и фионит, а может, настоящий бриллиант. Профессор Гарварт разбирался в драгоценностях и мог отличить настоящие бриллианты от искусственных, но только с очень близкого расстояния. Именно это он и намеревался сделать, нажимая на кнопку, которая привела в действие механизм открывания дверей.

Женщина была очень полной, но шла уверенно, прямо, не переваливаясь с боку на бок, как толстая утка. Гордо несла свою отягощенную жирным подбородком голову. Не здороваясь, прошла в кабинет и села на стул за приставным столиком. Ипполит Гарварт глянул на ее заколку и сережки. Ему хватало и расстояния, и освещения, чтобы рассмотреть их.

— Конец девятнадцатого века, авторская работа петерских мастеров.

Он не был уверен в своих выводах, но говорил твердо, как человек, убежденный в своей правоте.

— Что, простите? — недоуменно глянула на него женщина.

— Заколка и сережки у вас знатные, говорю, старинной работы.

— Ах да... Конец девятнадцатого века, Петербург... Я к вам по делу...

— Всегда рад. Но с часу дня у меня обеденный перерыв. — Ипполит с сожалением показал на часы.

В отличие от других московских контор, его частное бюро начинало работать в девять часов, а не в десять. С девяти до восемнадцати. Поэтому он мог позволить себе перерыв. И совсем неважно, что до тринадцати часов у него совершенно не было работы. Распорядок дня — это свято. И то, что клиент мог отказаться от его услуг, Ипполита вовсе не смущало. Обед есть обед.

— Но у меня дело... — начала было женщина.

— А у меня обед.

Он поднялся со своего места, мягко, но безапелляционно взял ее под руку и обозначил движение в сторону дверей.

— Можете подождать меня в приемной. Или погулять.

— Лучше я обращаюсь в другое агентство!

Женщина протестующе надула щеки, но Ипполита это не тронуло.

— Ваше право.

Обед его был таким же незатейливым, как и вся его холостяцкая жизнь. Суп из пакетика, сваренный на электрической плите, чай с бутербродами. Покончив с трапезой, он выждал еще четырнадцать минут и открыл дверь в приемную.

Оказалось, что женщина не ушла. Она сидела на мягком стуле в терпеливой позе, сложив руки на коленях. Увидев появившегося в дверях Гарварта, гневно раздула ноздри.

— Прошу!

— Не густо у вас с клиентами, — принимая приглашение, насмешливо заметила она.

Ипполит пропустил колкость мимо ушей.

— Слушаю вас, — опускаясь в кресло, важно сказал он.

— Странный вы человек...

— Надеюсь, вы пришли не для того, чтобы сказать мне об этом?

Ипполит и сам замечал за собой некоторые странности. Но, как всякий мудрый человек, не придавал им значения.

— Нет. Как личность вы меня совершенно не интересуете... Скажите, а почему вас называют профессором?

— Потому что я профессор.

Ипполита ничуть не обескураживало то обстоятельство, что у него не было ученых степеней. Шестнадцать лет назад он закончил юридический институт, но никогда не преподавал в нем. И уж точно не имел никакого отношения к знаменитому Гарвардскому университету. Работал юрисконсультom на заводе, звезд с неба не хватал. А профессором он стал благодаря одному своему институтскому другу, который в середине смутных девяностых годов основал академию экстрасенсорных наук. Ипполит принял самое деятельное участие в становлении этого заведения, многому научился сам, кое-чему научил других. Сначала он получил степень магистра, а затем и профессора этой академии. Конечно же, он понимал, что это звание — чистой воды фикция. Но ему нравилось называться профессором. А то, что это звание умножало его уверенность в себе, служило ему безусловным по своей важности оправдательным мотивом.

— Профессор кислых щей?..

— Во-первых, я предпочитаю щи из свежей капусты. А во-вторых, заведение у нас частное, — спокойно, не моргнув глазом, отреагировал Гарварт. — И ответы на вопросы частного порядка оплачиваются строго по прейскуранту. И то лишь после того, как я возьмусь за ваше дело... Если возьмусь.

— Уж будьте любезны, — не без сарказма сказала женщина.

И вдруг изменилась в лице. Губы изогнулись в скорбной подкове — уголками вниз, — на глаза навернулись слезы. Хлюпнув носом, она полезла в свою сумку за платком. Ипполит подумал, что она смахнет им слезную мокроту на глазах, а она приложила его к носу и смачно высморкалась. И только после этого трагическим тоном сообщила:

— У меня погиб сын.

— Сочувствую.

— В милиции считают, что он сам себя убил.

— Суицид?

— Нет. Отравление наркотиками.

— Передозировка?

— Пусть будет так.

— Он был наркоманом?

— Нет... То есть да... То есть был...

— Да или нет?

— Да... То есть нет... Он уже два года совершенно не употреблял...

— Завязанный узелок иногда развязывается.

— Что, простите?

— Бывших наркоманов не бывает. Наркоман может завязать, но рано или поздно он развяжет...

— Но я уверена, что мой сын... э-э, не развязывал, как вы говорите...

— Тогда как же могло произойти отравление наркотиками?

— Кто-то помог ему с этим.

— Кто?

— Не знаю.

— У него есть враги?

— Нет. То есть да. То есть не совсем враг. Но и не друг...

— А точнее?

— Его жена. Из-за нее все беды...

— Какие беды?

— Вильям очень ее любил, а она... — Женщина всхлипнула, приложив к мокрым глазам платок.

— Что она?..

— Она не хочет быть с ним. Он уговаривает, а она нос от него воротит...

— Это не повод обвинять ее в убийстве.

— Никто не обвиняет... Но ведь все может быть.

— Она знала о его пристрастиях к наркотикам?

— Да! Конечно!.. Я даже больше скажу, из-за нее он к ним и пристрастился...

— Она употребляет наркотики?

— Нет... Но, может быть... Я давно ее не видела...

— Что она собой представляет!

— О! Она ужасная женщина!.. Вышла замуж за Вильяма, потому что у него было все — квартира, машина, образование. Она никогда его не любила. И не ценила... А знаете, как она умела паинькой прикидываться? Одно время даже я всерьез думала, что лучшей жены Вильяму не найти... Но время, сами понимаете, не только лечит, но и вразумляет... Сейчас-то я знаю, что это за bestия...

Гарварт понял, что женщина на эту тему может говорить бесконечно. Типичное отношение свекрови к невестке — пока не свернет ей кровь злыми наветами, не успокоится.

— Давайте пока оставим этот разговор. Сначала докажем, что вашего сына убили, а потом уже перейдем к личностным качествам его супруги... Итак, если можно, по порядку. Когда умер ваш сын?

— Не умер, а погиб.

— Возможно.

— Это случилось на прошлой неделе, в пятницу, двадцать четвертого июня...

— Сегодня двадцать восьмое июня, вторник. Четыре дня. Не мало. Но и не много. Заключение о смерти вы не получили.

— Нет. Откуда вы знаете?

Смерть от передозировки — в любом случае криминал, даже если она наступила по вине потерпевшего. Предварительное расследование, углубленная судмедэкспертиза, все такое прочее — а это время. Может неделя пройти, а то и две, прежде чем родственники умершего смогут получить на руки свидетельство о смерти, чтобы затем предать тело земле или печи в крематории... Но распространяться об этом Ипполит Гарварт не стал. Он не бюро вопросов и ответов.

— Где находится тело?

— Судебно-медицинский морг номер шесть, на Госпитальной площади... Вы хотите осмотреть его?

— Да. Но сначала я должен знать, что именно вам нужно. Доказательства того, что ваш сын погиб не по своей вине? Или найти убийцу?

— Найти убийцу!

— Тогда начнем с того, каким образом он погиб. Это будет первый этап работы. Если смерть насильственная, приступим ко второму. Если нет, на том и остановимся.

— И сколько все это будет стоить?

— Первый этап — пятнадцать тысяч.

— Пятнадцать тысяч долларов?! — Женщина возмущенно округлила глаза.

— Почему долларов? Разве мы в Америке живем? Пятнадцать тысяч рублей.

— Но и это много!

Ипполит Гарварт сделал скучное лицо, взгляд принял отсутствующее выражение. Торговаться он не любил, во всяком случае, когда выступал в роли продавца услуг.

— Хорошо, пусть будет пятнадцать тысяч. Но это если вы докажете, что Вильяма убили...

— А если нет?

— Тогда ничего.

— Я так понимаю, в милиции считают, что ваш сын умер по собственной вине.

— Да, они так считают. Но это потому, что они не хотят работать.

— Вот и не платите им за то, что они не хотят работать. И со мной все просто, вы не платите мне — я не работаю.

— А если плачу, то работаете.

Движением бровей Гарварт показал, что да, именно по такому принципу и движутся дела в его частно-розыскной епархии. Ведь не только его телегу нужно подмазать, чтобы она поехала. Он лицо частное, а должен взаимодействовать с государевыми людьми. Такой механизм точно не будет работать без хорошей смазки.

Римма Борисовна, как звали женщину, поняла все правильно. Профессор Гарварт заполнил бланк договора, выписал квитанцию на пять тысяч рублей в качестве аванса. И приступил к делу.

ГЛАВА 2

Дежурный патологоанатом в морге внимательно слушал профессора Гарварта, понимающе кивал. Он был неестественно бледен, а белые руки отливали нездоровой синевой. Складывалось впечатление, будто он сам

только что встал со стола в покойницкой. Но ловкость, с какой он снял с руки Ипполита пятисотенную купюру, навела на мысль, что врач скорее жив, чем мертв. А вторая, того же достоинства, бумажка и вовсе оживила его — даже лицо слегка порозовело.

— Да, да, есть такой, Крупнышевский Вильям Филиппович... С ним все ясно...

— Что ясно?

Врач покопался в документах, извлек оттуда лист бумаги.

— Вот протокол вскрытия. Токсическая кома. Отек мозга. Признаки острого повреждения нейронов в стволе... Типичная передозировка опиатами... Смерть наступила приблизительно в интервале от девятнадцати ноль-ноль минут до девятнадцати тридцати. Но это не суть важно... В общем, дозу героина не рассчитал...

— Героин?

— Скорее всего.

— Героин, как правило, вводят через вену. Я могу осмотреть труп?

— Если с нервами все в порядке, пожалуйста.

Ипполит не считал, что нервы у него железные. Но в мертвецкую вошел без страха. Он воспринимал трупы как нечто неизбежное. Смерть безобразна, но естественна как сама эволюция. Известно же, что на земле сто-процентная смертность...

Большинство трупов лежали в обычной камере, но труп Крупнышевского находился в холодильнике. Дежурный патологоанатом позволил профессору Гарварту обследовать его.

Вильям Крупнышевский соответствовал своей фамилии, как и его мать, Римма Борисовна. Крупный мужчина. Жирное тело, безобразный разрез через грудную клетку и живот — след недавнего посмертного вскрытия.

Ипполит обратил внимание на его правую руку. На локтевом сгибе он обнаружил характерные точки, которые остаются после уколов в вену. Четыре точки. Это значило, что Вильям уже делал себе уколы до того, который стал для него последним.

Картина действительно ясная. Бывший наркоман Крупнышевский сорвался, но неправильно рассчитал дозу, что и послужило причиной смерти...

Профессор Гарварт недоуменно пожал плечами. Возможно, Римма Борисовна и состоятельная женщина, но все равно пятнадцать тысяч на дороге не валяются. Зачем она пожертвовала ими, если точно знала, что ее сын умер по своей вине? Милицейский следователь должен был видеть множественные следы от уколов, должен был указать ей на них. Да и она знала, что Вильям был наркоманом... Зря она согласилась оплатить независимое расследование.

Профессору Гарварту было все ясно, но все же он встретился со следователем милиции Чоховым. Молодой лейтенант, внешне самоуверенный, но нерешительный изнутри. Несмотря на заметную разницу в возрасте, на Ипполита он смотрел с ехидцей, сверху вниз. Но при этом легко шел на контакт с ним. Даже денег не потребовалось, чтобы разговорить его.

— Да типичный наркоман, — провёл он рукой так, будто подводил итоговую черту.

— Кто обнаружил труп? — мягко, но уверенно и даже с легким начальственным напором спросил Гарварт.

— Случайно обнаружили. Соседка шла, смотрит, дверь приоткрыта. Заглянула, а там труп в прихожей...

— В прихожей? Он что, в прихожей укололся?

— Нет, шприц в комнате лежал. С его пальчиками... И жгут там же был... А на кухне, у газовой плиты, ложка

была, в которой он раствор готовил... А ты что, в чем-то сомневаешься?

— Нет. Но хотелось бы поставить точку, а не много-точие...

— Точка там. Однозначно, жирная точка... Он же в этой квартире вертеп устроил... И кололся там, и баб туда таскал... Трусики женские в мусорном ведре нашли, презервативы. Это вперемешку с использованными шприцами... В общем, вел разгульный образ жизни...

— Соседка когда труп обнаружила? — повинуюсь какой-то интуиции, спросил Гарварт.

— Это я тебе сейчас точно скажу. Сам лично ему глаза закрывал... Слеза у него с глаза скатилась. Одна-единственная, но была. Соображаешь?

— Не очень.

— Роговица у него еще не высохла, поэтому и слеза была. Значит, не больше часа прошло...

— А в каком часу его обнаружили?

— Какой ты прыткий! Ты что, допрашиваешь меня?

— Нет.

— Скажи спасибо, что я вообще разговариваю с тобой. А ведь некогда мне...

Лейтенант поднялся, взглядом указывая на дверь: дескать, и честь пора знать.

— Спасибо, — поднимаясь вслед за ним, поблагодарил его Ипполит.

— Тогда всего хорошего!

Следователь открыл ему дверь, но сам выходить из кабинета не стал. Видно, наврал, что куда-то спешит. Создал предлог, чтобы избавиться от малоинтересного собеседника. Профессор Гарварт его понимал. Был бы он представителем серьезной правоохранительной структуры, сопливый лейтенант не стал бы выставлять его за дверь. А он всего лишь частный детектив.

Дверь в кабинет закрылась, но стоило Ипполиту сделать несколько шагов, как открылась снова.

— В девять вечера труп обнаружили, — высунув голову, бросил следователь и скрылся в дверях.

А профессор Гарварт застыл как вкопанный. Согласно протоколу вскрытия Вильям Крупнышевский умер в районе девятнадцати часов. А если верить следователю, то смерть наступила в районе двадцати. Хоть и небольшая, но все же накладочка. И он, как человек пунктуальной точности, не мог позволить себе пренебречь ею.

Ипполиту повезло. Не прошло и часа после встречи со следователем, как он уже разговаривал с Юрием Павловичем Борщевиком, судмедэкспертом, осматривавшим труп Крупнышевского на месте события. Это был сухопарый мужчина средних лет. Белки глаз с нездоровой желтизной, желтушное лицо. Глядя на него, можно было судить о том, что у него большие проблемы с печенью. И, общаясь с ним, можно было сделать вывод, что переполнявшая его желчь выходит наружу не только с мочой, но и со словами. Скипидарный характер у мужика. Может, потому он и от предложенных денег отказался, чтобы повредничать в свое удовольствие.

— Ну нестыковка, и что? — раздраженно бухтел он. — Что девятнадцать часов, что двадцать — какая разница? Ясно же, что с героином перебрал, оттого и помер...

— Ну а вы как считаете, когда он умер?

Ипполит пристально смотрел на этого мухомора, мысленно удерживая его голову в нужном положении. Он обладал даром гипноза, но пользовался им только в тех случаях, когда невозможно было разговаривать человека иным способом. При большом желании он мог ввести эксперта в самый настоящий гипнотический транс,

но в данном случае это было лишнее. Легкое воздействие на уровне психологического восприятия.

— Когда, когда... Скорее в девятнадцать, чем в двадцать часов. Я труп осматривал, на ягодицах трупные пятна обозначились... Но это не имеет значения.

— Значит, два часа прошло с момента его смерти. А как же слеза? За два часа роговица бы высохла...

— Ну, может, физиологическая особенность такая, что глаза не высохли, — пожал плечами мужчина.

— Может, особенность. А может, что-то другое... Вы не могли бы составить запрос — пусть проведут дополнительную токсикологическую экспертизу...

— Почему не могу? Могу.

Он не стал выяснять, кто такой профессор Гарварт, чтобы ставить ему задачи. Верный признак того, что Ипполит поставил его в психологическую зависимость от своей воли. Интуиция подсказывала, что зря он это сделал. Но не всегда интуиция — хороший советчик, чаще она становится тормозом в работе...

— Могу вас поздравить, — безотрадно усмехнулся лейтенант Чохов. — Задали вы мне работы, гражданин-товарищ частный детектив...

Уже одно то, что лейтенант обращался к Ипполиту на «вы», указывало на его изменившееся к нему отношение. Интерес к нему появился, и, похоже, не совсем здоровый.

— Если я правильно вас понял, гражданин Крупнышевский умер не своей смертью.

— Точно сказать не могу. Но факт насилия над ним точно был. Знаете, что за слеза была, которую я видел? Осадок нервно-паралитического газа. Кто-то из баллончика в него брызнул...

— Кто?

— Говорю же, задали вы мне работы. Теперь надо искать, кто это сделал. Как будто у меня других дел мало...

— Значит, все-таки насильно героин вкололи.

— Может, и насильно. А может, он прочухался после газа да вкатил себе дозу сам...

— Сделал себе укол не моргая? Чтобы слезу газовую ненароком не смахнуть?..

— Да уж... Чувствую, не отвертеться мне от этого дела.

Ипполит молча пожал плечами. Хочет лейтенант заниматься розыском убийцы или нет — этот вопрос волновал его сейчас меньше всего.

— Вы говорили, что он снимал квартиру, кололся, водил девочек.

— Судя по всему, да. Шприцы, женские трусики, презервативы...

— Шприцы, я так понял, использованные.

— Да, пять шприцев...

— И как долго не выносился мусор?

— Да дня три, не меньше. Завонялось там все...

— Значит, пять шприцев...

— Да еще один на столике, в гостиной. Рядом со жгутом... Итого — шесть...

— А на руке у покойного было всего четыре укола...

— Не обратил внимания... — озадаченно нахмурился лейтенант. — Может, он в ногу кололся?

— Я не специалист по наркотикам. Но мне кажется, что наркоман не будет колоться в ногу, если на руке еще есть место...

— Ну почему? Бывает, колются, чтобы на руке не было видно.

— Но тогда руку совсем не трогают. А у него четыре укола...

— Логично... Может, и женщина, которая с ним была, кололась?..

— Она же могла опрыскать его из баллончика.
— Запросто... Значит, шерше ля фам, как говорят французы... Будем работать, будем искать женщину... Спасибо вам, Ипполит... э-э...

— Илларионович.

— Спасибо вам, Ипполит Илларионович... Если вдруг что, обращайтесь.

— Мне бы еще поговорить с вами по поводу возможного убийства. Вы были на месте, вы видели, как там и что...

— А вы не ломайте голову, — высокомерно усмехнулся Чохов. — Предоставьте это неблагодарное дело нам, следователям уголовного розыска. И поверьте, мы обязательно найдем и возьмем убийцу...

— Как скажете, — недовольно пожал плечами профессор Гарварт.

И, не прощаясь, вышел из кабинета.

Настаивать на сотрудничестве он не стал. Не было пока в этом смысла: он еще не знал, захочет ли мать покойного платить деньги за дальнейшее расследование. Ведь в розыске убийцы она может довериться сотрудникам уголовного розыска, которым, похоже, не остается ничего иного, как заняться этим. И работать они будут бесплатно.

ГЛАВА 3

Профессор Гарварт не ошибся в своих прогнозах. Римма Борисовна позвонила ему, поблагодарила за хорошую работу, пообещала донести десять тысяч из пятнадцати. О том, что убийцу нужно найти, — ни слова.

Прошла неделя, вторая, а о Римме Борисовне ни слуху ни духу. Ипполит сам собирался звонить ей, когда к нему пожаловала одна интересная особа. Это была при-

гожая, тщательно ухоженная и стильно одетая женщина лет тридцати пяти. Она не выглядела моложе своих лет, но уровень ее сексуальной притягательности был настолько высок, что морщинки вокруг ее глаз казались достоинством, но никак не упущением. А сами глаза были верхом совершенства. И волосы... Сначала Ипполит решил, что это роскошный парик, но, всмотревшись в них более тщательно, забрал свое предположение обратно. Это были самые настоящие волосы — густые, гладкие, темно-русого цвета, с глубинным сочным блеском. Минимум косметики, максимум обаяния.

— Здравствуйтесь, мне нужен профессор Оксфорд.

У нее был столь дивный голос, что он готов был простить ей допущенную оплошность.

— Гарварт. Профессор Гарварт, — делая особый упор на последнюю букву, поправил ее Ипполит.

— Прошу прощения. Меня зовут Яна Дмитриевна, фамилия Крупнышевская.

— Гарварт. Ипполит Илларионович.

Теперь он знал, с кем имел дело. Жена покойного Вильяма Крупнышевского.

— Вот, пожалуйста...

Из маленькой изящной сумочки она достала конверт с деньгами, положила на стол.

— Римма Борисовна должна была вам передать. Но она приболела, сама не смогла прийти... Спасибо вам, что разобрались в деле. Я ведь тоже думала, что смерть Вильяма была не случайна...

Она была в строгом летнем костюме светло-серого цвета. И в синих, как небо, глазах угадывались скорбные точки. Но не было на ней траурного платка или повязки. Ипполит знал случаи, когда вдовы покойных в знак траура на лацканах своих дамских жакетов носили маленькие черные цветочки. Но на женщине не было и

этого. Как не было и обручального кольца, что само по себе почти ничего не значило. Она его могла снять с пальца правой руки, взять небольшую паузу, чтобы затем надеть на левую. Пауза могла и затянуться, поэтому кольца нет вовсе.

— Вы смотрите на меня с осуждением, — заметила женщина.

— Нет, — качнул головой Ипполит.

— А мне кажется, что да.

— Если я сказал нет, значит, нет.

— Вы не очень любезны, профессор Гарварт.

— Черта моего характера.

— Черта или недостаток?

— Не люблю, когда лезут ко мне в душу...

— Извините.

— И я вас извиняю.

— За что?

— За то, что не носите траур по мужу.

— Вот оно что!

— Здесь я вам не судья.

— Но Вильям не мой муж...

— А фамилия?

— Мы были женаты, но недолго...

— Ваша свекровь не говорила про развод...

— Тогда вам об этом скажу я.

— Она сама прислала вас ко мне? Или вы пришли по собственной воле?

— Чем вызван этот вопрос?

— Обычным интересом.

— А мне кажется, вы меня в чем-то подозреваете, — хмуро посмотрела на него женщина. — Что вам наговорила Римма Борисовна?

— Это не имеет значения.

— Имеет значение то, что вы не очень хорошего мнения обо мне.

— Мое мнение — это мое мнение, оно умрет вместе со мной. А ваш муж уже умер. Или, вернее, погиб... Вам интересно знать, кто его убил?

— Хотелось бы узнать. Может, поэтому я к вам и пришла.

— Признаться, я не в курсе, как идет официальное следствие по этому делу.

— Боюсь, что следствие зашло в тупик.

Ипполит позлорадствовал в душе, ничуть в том не касясь. Но виду не подал. Его лицо, как обычно, оставалось непроницаемо спокойным.

— Почему?

— Я так поняла, что не могут найти женщину, которая была с Вильямом.

— А кто мог с ним быть?

— Не знаю... Но что женщина — запросто...

— Какая женщина? Случайная или что-то серьезное?

— Не знаю... Мне, наверное, уже пора.

— Теперь я вижу, что вам неинтересно знать, кто убил вашего мужа.

— Бывшего мужа, — уточнила Яна Дмитриевна.

— Пусть бывшего.

— Я уверена, вы подозреваете меня в убийстве, — нахмурилась она.

— Как? — не меняя своего положения в кресле, бесстрастно спросил Ипполит.

— Мне кажется, вы меня подозреваете...

Он внимательно всмотрелся в сидящую перед ним женщину. Она волновалась. Это можно было объяснить страхом перед разоблачением. Но это вовсе не доказательство того, что убила она. Это мог быть страх перед неправильными выводами против нее. Вдвойне обидно,

когда ты не виновен, а тебя засыпают шишками. И втроене обидно, если ложное обвинение заканчивается тюремным сроком... Но страх мог быть и обоснованным страшной реальностью. Даже бывшим супругам есть что делить, выяснение отношений между ними может привести к смерти одного...

— Скажите, вы употребляете наркотики? — достаточно жестко спросил он.

— Как вы сказали?! — возмущенно встрепенулась женщина. — Наркотики?! Да никогда в жизни!

— А ваш муж, я так понимаю, употреблял.

— Бывший муж.

— Я имею в виду тот период, когда он был вашим мужем.

— Да, употреблял...

— Поэтому вы и развелись?

— Это, конечно, могло послужить причиной развода. Но развелись мы вовсе не по этому.

— А по какой причине, если не секрет?

— Секрет. Есть вещи, о которых женщине моего положения рассказывать не следует.

— А каково ваше положение?

— Надеюсь, выше среднего.

— Чем вы занимаетесь?

— У меня свой бизнес. Дела идут хорошо...

— Уверен, что это так. У вас вид успешной женщины.

— Спасибо.

— Это не комплимент. Это скорее противовес. Вы успешная женщина, а ваш бывший муж — неудачник. Или нет?

— Да, неудачник. Всегда был неудачником. Потому что никогда не стремился к удаче... Я бы не хотела об этом говорить. И вообще, у меня есть алиби. В момент убийства я находилась на работе, моя секретарша может

это подтвердить. И она уже подтвердила, в милиции. И не только она...

— Обидно, когда подозревают. Обидно оправдываться.

— Да, если Вильям хотел поставить меня в неловкое положение, он этого добился...

— Я не думаю, что он хотел умирать...

Гарварт был спокоен, лицо ничего не выражало, глаза тускло поблескивали. Но где-то глубоко в нем, как в атомном реакторе на дне океана, энергия сыскного любопытства крутила турбины сознания. Он смотрел на свою гостью, пытаясь уловить вихревые токи, индуцированные брожением мысли в ее голове.

— Мне совсем не нравится, как вы на меня смотрите, — недовольно сказала она.

Она возмущалась, порываясь уйти, но словно какая-то невидимая сила держала ее на привязи.

— Извините, — изобразил смущение Ипполит. — Просто мне очень нравится ваше лицо.

— О-очень хорошо! — мятежно протянула она. И как будто опомнившись: — Только лицо?

— Нет, мне нравится все. Но рисовать я бы хотел ваше лицо...

— Рисовать?

— Да. Простым карандашом. Простой рисунок. Очень быстро... Давайте попробуем?

Он знал, что говорил. И рисовать он умел. Простым карандашом, на мелованной бумаге. Нижний ящик его стола забит был такими рисунками, но показывать их посетительнице он не стал. Вряд ли ей захочется, чтобы ее портрет пылился среди множества других.

— Вы очень странный, профессор Оксфорд.

— Гарварт... Вы будете мне рассказывать, а я буду вас рисовать...

У каждого свои странности, мысленно заметил он. У каждого своя методика работы. К тому же Яна Дмит-

риевна была одной из немногих клиентов, чью красоту хотелось перенести на бумагу по велению души, а не по долгу службы.

— О чем рассказывать?

— Мне бы хотелось побольше узнать о вашем бывшем муже.

Ипполит глянул на часы. Двадцать минут четвертого пополудни, до шести вечера еще есть время. Открыл средний ящик стола, достал оттуда лист бумаги, коробочку с остро заточенными карандашами.

— Вы это серьезно?

Голос ее раздраженно дрожал, но удивление в глазах безоблачное.

— Вы куда-то спешите?

— Да, в общем-то, нет.

— Вы же хотите знать, кто убил вашего бывшего мужа...

Он уже очертил мысленно контур ее лица, мысленно положил его на бумагу, сделал первый штрих.

Он спрашивал, она отвечала, а карандаш, лаская слух и убаюкивая сознание, шуршал по бумаге. И движение руки очень походило на завораживающие пассы...

* * *

Комната в общежитии была двухместной. Просторно, тихо, аккуратненько и уютно. Но с появлением Лизы все изменилось — пространство сжалось в овчинку. Нет, она не была большой и толстой, как Роза Малышева из соседней комнаты. Среднего роста, худенькая, изящная и очень даже миленькая. Но жизненная энергия была из нее ключом, не позволяя ей хотя бы на минуту остановиться, не говоря уже о том, чтобы присесть.

— Привет, я Лиза. Меня к тебе в комнату поселили... Куда это можно поставить?

Яна растерянно пожала плечами, не зная, куда можно поместить кадку с пальмой, которую Лиза прижимала к себе левой рукой. Впрочем, она и не ждала ответа. Поставила дерево прямо на тумбочку возле свободной кровати.

— Уфф!..

Тяжелая и неудобная пальма была лишь частью ее поклажи. В правой руке она держала большую спортивную сумку, а под мышкой внушительных размеров импортный магнитофон. Голубенькая занавеска с треском сдвинулась в сторону, и чудо японской техники взгромоздилось на подоконник. И сумка с шумом упала на пол.

— Ты какую музыку любишь? — спросила Лиза.

И нажала на клавишу, не дожидаясь ответа, в котором вовсе не нуждалась. И понеслось из колонок «Yog're My Heat, Yog're My Soul...». Яна облегченно вздохнула: «Модерн Токинг» ей нравился. А ведь Лиза могла поставить и тяжелый рок, который она терпеть не могла.

— Где здесь можно руки помыть?

Яна только руку подняла, чтобы показать, где находится санузел, а Лиза уже была там.

Она подошла к пальме. Ствол высотой в человеческий рост, густо покрытый остатками отмерших листьев; темно-зеленые блестящие листья, крупные, глубоко рассеченные...

— Трахикарпус Форчуна, японская веерная пальма, — без особых, казалось бы, усилий перекивая довольно-таки громкую музыку, пояснила Лиза.

Яна слегка вздрогнула от неожиданности. Она-то думала, что соседка до сих пор в туалете, а она уже совсем рядом, за спиной, справа... нет, уже слева... снова справа... «Фигаро здесь, Фигаро там...» Яна поняла, что у нее закружится голова, если она будет наблюдать за ее перемещениями в пространстве.

— Захочешь купить, закопаешься искать. Дефицит... Ну, мне так сказали...

С грохотом открылся верхний ящичек тумбочки, Лиза небрежно бросила туда модную косметичку, пакет с бигуди, лак для волос, шампунь в красивом флаконе. Зеркало на подставке она установила поверх тумбочки, рядом же встала упаковка духов — дорогой и дефицитный «Кристиан Диор». Лиза торжествующе глянула на Яну, в глазах немой вопрос: «Завидуешь или нет?»

Но Яну не очень-то интересовала мода — взгляд ее остался неподдельно равнодушным. И этим она, похоже, разочаровала Лизу.

— А ты сама откуда... Э-э, забыла, как тебя зовут...

— Как ты могла забыть, если не спрашивала? — насмешливо повела бровью Яна.

— Не спрашивала?.. Извини, впопыхах забыла...

— Яна меня зовут... Как же ты все это донесла? — кивком головы показав на пальму, спросила Яна.

— Уметь надо... Э-э, помогли мне... Мужчина мой... Он меня подвез, на своей «Волге», он у меня большой человек...

Лиза загадочно улыбалась, но за ее внешним торжеством угадывалась тоска брошенной женщины. Хотя, казалось бы, откуда могла взяться такая тоска при ее-то внешних данных. Хорошенькая блондинка с фигурой профессиональной манекенщицы, одета лучше некуда: джинсы — последний писк моды, шелковая блузка с воротничком-стойкой и галстучком. Волосы жидковаты, но красиво уложены в прическу; чересчур густо и приподнято подведенные глаза, ярко накрашенные пухлые губки.

— Я у него жила, — распахнув створки шкафа, сказала она. — У него квартира рядом с Кремлем, красота!.. Он в Японию уехал, консулом...